

Формирование стабильной системы политического управления: структурно-функциональный и морфологический анализ

Туманов А. Д.^{1, 2}

¹ООО «Межрегионтеплосетьэнергоремонт ЦТС»

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; tumandr94@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является реализация системного анализа факторов формирования стабильной системы политического управления. Для уточнения функций и структуры стабильной политической системы выделяются характеристики стабильности, согласно которым политическая система: имеет признаки легитимности; способна справляться с угрозой нелегитимного насилия; поддерживает конституционный строй; воспроизводит модель поведения, основой которой является стабильность. Методологически статья опирается на работы классиков и современных ученых (П. М. Хомякова, М. А. Гайдеса, И. Б. Родионова, А. Макарычева), посвященных системному анализу политических систем. Также в работе используется морфологический анализ, анализ политической эффективности, а в заключительной части — метод государственно-управленческого проектирования. Автор приходит к выводу, что функции и структура современной политической системы должны рассматриваться с точки зрения дефиниций «политической стабильности», рассматриваемой сквозь призму отсутствия политических угроз, адаптивной стабильности политических субъектов и равновесия политических сил. Политическая стабильность предполагает, что при распределении ресурсов в обществе задействована не только институциональная подсистема политической системы, но и функциональная, нормативно-регулятивная и идеологическая подсистемы. Морфологический анализ демонстрирует, что стабильная политическая система характеризуется сбалансированным взаимодействием подсистем, при которой как минимум институциональная, нормативно-регулятивная и функциональная подсистемы совместно определяют процесс функционирования и развития политической системы. Стабильность является основой и залогом политического развития в современном мире, при этом стабильность не является противоречащей инновационному развитию или же развитию в целом. И стабильность, и развитие представляют собой базовое условие для развития современной политической системы, методы избежания негативной адаптации в глобальном пространстве. Стабильность не является синонимом закрытости — наоборот, она предполагает горизонтальную и вертикальную мобильность, устойчивую архитектуру конституционного строя и ориентацию на поддержку активности политических субъектов. Все эти процессы не могут быть пущены на самотек и развиваться вне политического контроля вертикальных структур власти. Целостность как общесистемное свойство является неотъемлемым основанием стабильности политической системы.

Ключевые слова: политическая система, стабильность, политическое развитие, структурно-функциональный анализ, морфологический анализ

Для цитирования: Туманов А. Д. Формирование стабильной системы политического управления: структурно-функциональный и морфологический анализ // Управленческое консультирование. 2021. № 6. С. 118–127.

The Formation of a Stable Political Governance: Structural-Functional and Morphological Analysis

Andrey D. Tumanov^{1, 2}

¹MTER CTS, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPA), Saint-Petersburg, Russian Federation; tumandr94@mail.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to implement a systematic analysis of the factors of the formation of a stable system of political governance. To clarify the functions and structure of a stable political system, the characteristics of stability are highlighted, according to which the political system: has signs of legitimacy; is able to cope with the threat of illegitimate violence; supports the constitutional system; reproduces a model of behavior based on stability. Methodologically, the article is based on the works of classical and modern scientists (P.M. Khomyakov, M.A. Gaydes, I.B. Rodionov, A.A. Khomiakov). Makarycheva), devoted to the systematic analysis of political systems. The paper also uses morphological analysis, analysis of political efficiency, and in the final part — the method of state-management design. The author comes to the conclusion that the functions and structure of the modern political system should be considered from the point of view of the definitions of "political stability", viewed through the prism of the absence of political threats, adaptive irremovability of political subjects and the balance of political forces. Political stability implies that the distribution of resources in society involves not only the institutional subsystem of the political system, but also the functional, regulatory and ideological subsystems. Morphological analysis demonstrates that a stable political system is characterized by a balanced interaction of subsystems, in which at least the institutional, regulatory and functional subsystems jointly determine the process of functioning and development of the political system. Stability is the basis and guarantee of political development in the modern world, and stability is not contrary to innovative development or development in general. Both stability and development are the basic conditions for the development of a modern political system, methods of avoiding negative adaptation in the global environment. Stability is not synonymous with closeness — on the contrary, it implies horizontal and vertical mobility, a constitutional system, and a focus on maintaining the activity of political actors. At the same time, all these processes cannot be allowed to take their course and develop outside the political control of the vertical structures of power. Integrity as a system-wide property is an integral basis for the stability of the political system.

Keywords: political system, stability, political development, structural and functional analysis, morphological analysis

For citing: Tumanov A.D. The Formation of a Stable Political Governance: Structural-Functional and Morphological Analysis // Administrative consulting. 2021. N 6. P. 118–127.

Введение и постановка проблемы

Одним из механизмов функционирования системы политического управления в условиях глобализации является ее адаптация к новым условиям общественного развития [1]. Эти процессы на сегодняшний день не могут быть признаны однородными и находят свою реализацию на нескольких уровнях, а именно на глобальном, региональном и локальном. Данные уровни, безусловно, носят теоретический, абстрактный характер. Это идеальная модель процессов глобальной интеграции и адаптации, которые тесно взаимосвязаны между собой, поскольку отражают единый процесс взаимного приспособления государств в рамках соответствующего объединения. Более того, глобализация рассматривается как процесс адаптации системы управления с целью достижения единых (глобализационных) стандартов развития, которые зачастую основаны на прогрессе и инновациях, а это значит, что в теоретических моделях она потенциально может носить доминирующий по отношению к другим уровням характер.

Формирование современной системы политического управления неизбежно связано с процессами адаптации. В современных условиях адаптация является объективным процессом, поскольку она осуществляется в ответ на такие эволюционные факторы, как геостратегическая изменчивость, историческая преемственность и глобальная закономерность. В целом адаптационная задача стоит перед государством, которое является полноправным субъектом глобального пространства, и ради того, чтобы усилить свой геополитический потенциал, оно вынуждено приспосабливаться к условиям новой ситуации. Это свидетельствует о том, что процесс усвоения национальным государством отдельных норм и ценностей общественной жизнедеятельности, обусловленных процессом глобальной интеграции, всегда имеет адаптационное значение.

Проблематика политической адаптации в современной литературе является предметом системного анализа. Анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы, позволяет заключить, что особого внимания заслуживает понимание адаптации, предложенное в рамках концепции «негативной адаптации» Е. Балабанова. По его мнению, системный анализ представляет собой «поддержание такого уровня, который позволяет сохранить и повысить (геополитический) статус и удовлетворять материальные и духовные потребности индивидов и социальных групп». В соответствии с этим ученым вводится понятие «негативной адаптации», которая характеризуется преимущественным использованием чужих ресурсов в обеспечении жизнедеятельности отдельного государства или сообщества [12, с. 48]. Несколько в другом ракурсе рассматривает применение системного анализа австрийский исследователь Г. Айзенк; в нем он видит состояние, при котором потребности индивида, государства, с одной стороны, и требования внешней среды (глобального мира) — с другой — полностью совпадают, т. е. это состояние гармонии между индивидом, государством и глобальным миром [6].

Материалы и методы

Наука политического управления давно уделяет пристальное внимание системному анализу проблем и процедур государственного управления и процесса принятия управленческих решений [13]. Так, по мнению П. М. Хомякова, системный анализ представляет собой практико-управленческое видение научных проблем, стремление минимизировать их описание и применить для их решения наиболее простой, если возможно, формальный аппарат [4]. М. А. Гайдес считает, что понятие «системный анализ» включает в себя два других понятия — «система» и «анализ» [6]. Понятие «система» неразрывно связано с понятием «цель системы». Понятие «анализ» означает разбор по частям и разложение по полочкам (классификация). Таким образом, «системный анализ» — это разбор цели системы на ее подцели (классификация или иерархия целей) и разбор самой системы на подсистемы (классификация или иерархия подсистем) с целью выяснить, какие системы (подсистемы) и благодаря чему могут (не могут) выполнить поставленные перед ними цели (подцели) [9, с. 144].

Будучи достаточно трудоемким методом исследования, системный анализ включает несколько этапов, среди которых — этап декомпозиции системы, этап анализа и этап синтеза [12, с. 146]. В обобщенном виде целью этапа анализа является установление характеристик стабильной политической системы. Для достижения этой цели необходимо решить ряд задач, соответствующих второму этапу системного анализа [13]. Следует отметить, что сама методика проведения системного анализа заимствована у отечественного исследователя И. Б. Родионова [12], однако будучи адаптированной под цели и специфику исследования, она исключает некоторые пункты анализа. Вследствие того, что речь идет о социальной разновид-

ности системы, а не о технической, нами рассматриваются неактуальными такие шаги, как генетический анализ и анализ аналогов. Таким образом, будучи откорректированной, последовательность исследовательских действий в рамках системного анализа глобального, регионального и локального уровней факторов формирования современной системы политического управления будет выглядеть так:

- 1) осуществить функционально-структурный анализ существующей системы;
- 2) осуществить морфологический анализ, который предполагает анализ взаимосвязей компонентов и целостности системы;
- 3) провести анализ эффективности и сформировать требования к создаваемой системе, в нашем случае — к стабильной политической системе.

Структурно-функциональный анализ современной политической системы

С помощью декомпозиции политической системы можно установить минимальные структурно-функциональные требования по выживанию политической системы.

Таковыми минимальными условиями являются:

- 1) способность системы выполнять основные функции;
- 2) реагирование на требования, идущие от интрасоциетального (внутреннего) окружения;
- 3) реагирование на требования экстрасоциетального (внешнего) окружения;
- 4) способность преодолевать нарастание дисфункций в определенные периоды развития, в частности на этапе политической модернизации;
- 5) соответствие критерию легитимности в структурно-функциональном плане, что проявляется через согласованность входа и выхода системы;
- 6) способность поддерживать собственную структуру.

Вероятно, что перечисленные минимальные условия функционирования политической системы являются необходимыми, но недостаточными для того, чтобы квалифицировать систему как стабильную. С целью конкретизации структуры и функций стабильной политической системы кажется плодотворным подход, согласно которому функции и структура политической системы должны рассматриваться с точки зрения дефиниций «политической стабильности». Из-за отсутствия однозначного толкования понятия «политическая стабильность» следует исходить из нескольких определений, отражающих ее различные аспекты. Одна из удачных систематизаций определений стабильности в трудах политологов принадлежит А. Макарычеву, по мнению которого стабильность как политическая категория включает в себя ряд параметров, наиболее важными из которых являются отсутствие реальной угрозы нелегитимного насилия; функционирование одного правительства в течение некоторого длительного периода (данный факт означает не что иное как умение успешно адаптироваться к изменяющимся реалиям); наличие конституционного строя и легитимности власти; равновесие политических сил [10, с. 149–150].

Относительно управляемых и неуправляемых функциональных характеристик политической системы, выявление которых является требованием к решению задачи структурно-функционального анализа, следует отметить, что степень их управляемости зависит от типа политической системы. Так, для многих переходных политических систем реализация суверенитета является проблемной функцией вследствие того, что на вход таких систем поступают достаточно сильные импульсы от внешнего окружения в виде требований, противоречащих принципу суверенитета государства. Другими словами, в условиях глобализации реализация суверенитета является неуправляемой характеристикой для многих переходных систем.

Функция поддержания оптимального соотношения мощностей государства и гражданского общества, а также функция распределения ресурсов в достаточном для

поддержания и воспроизводства жизни объеме являются трудно реализуемыми, а следовательно, имеют меньшую степень управляемости. В переходных политических системах, как правило, причиной таких проблем является слабая ресурсная база государства. Другие функции политической системы являются в большей или меньшей степени управляемыми.

Морфологический анализ политической системы

Морфологический анализ политической системы предполагает, во-первых, установление взаимосвязи компонентов системы, согласно которому систему можно квалифицировать как стабильную; во-вторых, анализ целостности системы.

Очевидно, что подсистемы политической системы не имеют признаков самостоятельных образований. В ходе выполнения функций политической системой ее подсистемы оказываются взаимосвязанными. Рассмотрим несколько вариантов взаимосвязи функций и подсистем, которые ее выполняют. Способность политической системы распределять ресурсы в обществе зависит от того, насколько ей удастся выполнить ряд других функций: управлять государственным суверенитетом, поддерживать оптимальное соотношение государства и гражданского общества, обеспечивать политическое представительство интересов основных социальных групп. В свою очередь функция распределения ресурсов определяет следующие функции: убеждение граждан принять существующее распределение ресурсов как необходимый, поддержания политической активности в конвенционном русле, контроль над каналами вертикальной мобильности и предупреждения конфликтов в обществе [7; 8]. Получается, что при распределении ресурсов в обществе задействована не только институциональная подсистема политической системы, но и функциональная, нормативно-регулятивная и идеологическая подсистемы. Это имеет значение как на глобальном, так и на региональном и на локальном уровнях.

При таком тесном взаимодействии подсистем составляет определенную трудность построение их иерархии, более того, каждая отдельная политическая система характеризуется собственной конфигурацией подсистем. Можно предположить, что стабильная политическая система должна характеризоваться сбалансированным взаимодействием подсистем, при которой как минимум институциональная, нормативно-регулятивная и функциональная подсистемы совместно определяют процесс функционирования и развития политической системы. Мера сбалансированности взаимодействия подсистем варьируется у различных политических систем в зависимости от их типа, национальных и исторических особенностей развития. Каждой отдельной политической системе присущи собственный тип целостности, некоторая особая взаимосвязь ее элементов, что отличает ее от других политических систем. Это обстоятельство далеко не всегда учитывается политическими элитами, которые модернизируют политическую систему. Трансформируя определенную сферу политических отношений, норм или институтов, политические элиты не учитывают принцип целостности системы, согласно которому невозможно заменить один элемент и при этом не коснуться других компонентов политической системы.

Видимо, такие действия и являются причиной расхождений политической модернизации, когда назревшие проблемы решаются не комплексно, на уровне всей системы, а механически, путем изменения одного компонента [3]. Здесь же отметим, что выполнение отдельным компонентом или группой компонентов политической системы своих функций не позволяет констатировать ее стабильное состояние. Только оценивая функционирование всей совокупности компонентов в целостном виде, можно судить о состоянии политической системы [2]. Таким образом, целостность как общесистемное свойство является неотъемлемым основанием стабильности политической системы. Целостность политической системы может нарушать-

ся под влиянием внутренних и внешних факторов, а также таких системных изменений, как неспособность системы выполнять свои функции или поддерживать структуру. Наличие подобных характеристик в системе служит предпосылкой ее дестабилизации, потери стабильного состояния.

Политический анализ эффективности политической системы

Понятие стабильности политической системы тесно связано с понятием ее эффективности. Под эффективностью системы следует понимать такое ее функционирование, при котором обеспечивается соответствие полученного результата заданной цели с учетом затраченных ресурсов и времени. И результативность, и ресурсоемкость и оперативность в комплексе есть критерии, определяющие меру эффективности системы (подсистемы).

Несоответствие функционирования системы (подсистемы) одному из указанных критериев снижает степень эффективности. Предположим, что распределение ресурсов — одно из главных требований к политической системе, идущее от общества, выполняется политической системой со значительным затягиванием. Такое опоздание во времени порождает как минимум дополнительную нагрузку на систему в виде тех же требований, которые снова и снова поступают на вход системы. Функционирование системы в режиме дополнительной нагрузки со временем может привести к росту протестного потенциала в обществе, что скажется в различных формах недовольства решениями и действиями власти.

Оценка эффективности является наиболее трудоемким этапом системного анализа. В технических науках определение эффективности системы является не настолько сложной задачей как при изучении социальных систем. Не стремясь к формализации эффективности политической системы, мы, однако, можем рассмотреть ее с качественной точки зрения. Наиболее приемлемым представляется вывод критериев эффективности системы из функций политической системы. Критерием эффективности функции распределения ресурсов в обществе является ее объем в расчете на «среднего» индивида [5]. В соответствии с этим политическая система должна распределять национальные ресурсы в объеме, достаточном для поддержания и воспроизводства жизни индивида. Достаточным можно считать такой объем ресурсов, который позволяет удовлетворить витальные потребности индивида (физиологические потребности, потребность в безопасности и социальная потребность индивида в общении). Комплексным показателем эффективности распределения ресурсов в рамках общества можно считать Индекс развития человеческого потенциала, который ежегодно подсчитывается ООН и базируется на таких составляющих, как уровень дохода на душу населения, средняя продолжительность жизни и уровень грамотности в конкретном обществе.

Эффективность управления в рамках политической системы проявляется в независимости и самостоятельности государственной власти при решении политических задач. В этом случае критерием эффективности управления суверенитетом может выступать полнота законодательной, исполнительной и судебной власти в пределах территории государства. Прямое вмешательство иностранных государств во внутреннюю политику государства или добровольное ограничение суверенитета являются факторами, снижающими эффективность управления государственным суверенитетом [15, с. 11].

Регламентация политических процессов, выполняемая нормативно-регулятивной подсистемой, является функцией, эффективность выполнения которой зависит от реализации принципа верховенства права. Критерием эффективности регламентации политических процессов является степень соответствия политической практики Конституции и действующему законодательству [16].

Следующая функция политической системы — поддержка системы политического господства осуществляется, на наш взгляд, через закрепленные в Конституции форму правления, форму территориального устройства и политический режим [11; 15]. Эффективность этой функции зависит от способности политической системы поддерживать установленные формы правления и территориального устройства, а также отвечать закрепленному политическому режиму. Например, наличие сепаратистских движений и неспособность политической системы контролировать их деятельность свидетельствуют о наличии фактора, который потенциально подрывает систему политического господства. Что касается количественного показателя эффективности поддержания системы политического господства, то, по крайней мере, такой компонент, как политический режим, может быть формализованным через различные индексы демократии, которые определяют уровень демократичности/недемократичности политических систем.

Эффективность поддержания активности субъектов политического участия в конвенционном русле зависит от количества проявлений неконвенционных форм политического участия и способности политической системы контролировать подобные проявления политической активности [23]. Конвенционное русло политической активности субъектов политического участия определяется сектором разрешенной активности, следовательно, показателем эффективности этой функции является соответствие форм политического участия разрешенному сектору политической активности. Характеристики секторов разрешенной активности для различных политических систем подробно описаны в работах А. Чемшит [14].

Функция контроля ширины каналов вертикальной мобильности связана с поддержанием определенного типа социальной стратификации. Ширина каналов вертикальной мобильности, по нашему мнению, может считаться оптимальной, когда в обществе складывается многочисленный средний класс. Эффективность выполнения политической системой этой функции зависит от ее способности в ресурсном плане поддерживать средний класс и при этом обеспечивать сбалансированное сочетание демократических и авторитарных тенденций при ротации политических элит, а также снижать деструктивную активность антиэлиты путем трансляции ее в приемлемое русло через открытие каналов вертикальной мобильности в других профилях социальной стратификации.

Обсуждение и выводы

На сегодняшний день очевидно, что в конце XX — первой четверти XXI в. целый ряд современных государств столкнулся с «кризисом репрезентативности» [19]. Данный кризис выразился в том, что государства больше не могли удовлетворять все нужды граждан, а потому стали вынуждены искать новые механизмы управления, включая инструменты демократизации и инновационной активности. Стали все более популярными демократические инновации, например, NPM (New Public Management), партисипаторное бюджетирование, партисипаторное планирование и пр. [20; 25]. Чтобы разрешить назревший вопрос, были расширены полномочия муниципалитетов и оказана активная поддержка НКО. В процессы принятия решений стали включать общественные организации, бизнес и граждан. Теперь бизнес-сектор и НКО могли конкурировать с государством в производстве социальных услуг. Параллельно общественные организации обучали государство диалогу с гражданами, восполняли пробелы в понимании актуальных проблем [21].

При этом инновационность как развитие стало противопоставляться стабильности как застою [14; 17; 18; 19]. Так, пример NPM противопоставляется стабильности как один из элементов делиберативного поворота в государственном управлении [22; 24; 27]. Тем не менее, что представляет из себя делиберативное управ-

ление и делиберативная политическая система? Это не что иное как «принятие решений с помощью аргументов, предложенных гражданами и гражданам, разделяющим ценности рациональности и беспристрастности» [21]. Здесь, с нашей точки зрения, стоит уделить внимание понятию «рациональности». Предполагается, что при делиберативном принятии решений граждане, во-первых, хорошо проинформированы о всех тонкостях обсуждаемой темы, во-вторых, каждый вариант решения вопроса рассмотрен со всех сторон. Другими словами, рациональные граждане в делиберативной модели — это те, кто, получив некий уровень экспертизы, может взвешенно оценивать и предлагать решения. Тем не менее, уровень экспертизы является всегда различным и субъективно обусловленным, и при отсутствии стабилизирующего воздействия вертикальных элементов политической системы может привести к хаосу [26].

Данная статья демонстрирует, что стабильность и развитие не являются антагонистами, а представляют собой базовое условие для развития современной политической системы, методы избегания негативной адаптации в глобальном пространстве. Стабильность не является синонимом закрытости — наоборот, она предполагает горизонтальную и вертикальную мобильность, конституционный строй и ориентацию на поддержание активности политических субъектов. В то же время, все эти процессы не могут быть пущены на самотек и развиваться вне политического контроля, ведь как показали структурно-функциональный и морфологический анализ, целостность как общесистемное свойство является неотъемлемым основанием стабильности политической системы.

Литература

1. Афонасова А. В. Политическая функциональность как «идея» современного государства // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 6–15.
2. Ахременко А. С., Петров А. П., Филиппов И. Б. Стабильность и выживание демократий: от гипотезы Липсета к производительности экономики // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 3 (90). С. 87–112.
3. Барановский В. Г. Новый миропорядок: преодоление старого или его трансформация? // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 5. С. 7–23.
4. Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3. С. 72–87.
5. Берцель Т., Хеард-Лаурьот К. Сети в системе многоуровневого управления Европейским Союзом: основные концепции и практический результат // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). 2012. № 1 (13). С. 53–64.
6. Глобальное управление в XXI веке: инновационные подходы / под ред. Ал. А. Громыко. М. : Ин-т Европы РАН : Нестор-история, 2013.
7. Глухова А. В. Гражданский диалог как механизм формирования публичной политики: современные тенденции и проблемы России // Вестник ВГУ. Сер.: История. Политология. Социология. 2015. № 3. С. 11–20.
8. Гнедаш А. А., Морозова Е. В. Конструктивный потенциал сетевого взаимодействия в сфере социальной политики. Демократия и управление // Демократия и управление: Информационный бюллетень исследовательского комитета РАПН по сравнительной политологии (СП-РАПН). 2012. № 1 (13). С. 30–32.
9. Живицкая Е. Н. Системный анализ и проектирование. Минск : БГУИР, 2005.
10. Макарычев А. С. Стабильность и нестабильность при демократии: методологические подходы и оценки // Полис. 1998. № 1. С. 149–157.
11. Максимова Е. Н. Стабильность политической системы в контексте политического участия // Політологічний вісник. 2008. Вып. 31. С. 156–166.
12. Родионов И. Б. Теория систем и системный анализ. СПб. : СПбГТУ, 2001.
13. Седов Е. А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 92–101.

14. Чемшит А. А. Государственная власть и политическое участие. Киев : Укр. центр дух. культуры, 2004.
15. Шамахов В. А. Стратегия ресурсосбережения: развитие vs распределение (российская повестка) // Управленческое консультирование. 2016. № 6 (90). С. 7–13.
16. Шахрай С. М. Конституция России: стабильность и развитие // Актуальные проблемы Российского права. 2018. № 10 (95). С. 44–54.
17. Acemoglu D., Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge University Press, 2006.
18. Benhabib J., Rustichini A. Social conflict and growth. Journal of Economic Growth. 1996. N 1. P. 125–142.
19. Hayward J. The Crisis of Representation in Europe, Routledge. Special Issue of West European Politics. 1995.
20. Lagunoff R. Dynamic stability and reform of political institutions. Games and Economic Behavior. Vol. 67. Is. 2. 2009. P. 569–583.
21. McLaverty P., Halpin D. Deliberative Drift: The Emergence of Deliberation in the Policy Process. International Political Science Review. 2008. N 2. P. 198.
22. Mergel I., Desouza K. Implementing Open Innovation in the Public Sector: The Case of Challenge.gov. Public Administration Review. Vol. 73. Is. 6. 2013. P. 882–890.
23. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions of Collective Action. Tucson : University of Arizona Press. 1990.
24. Owen C., Bindman E. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // Government and Opposition. 2017. P. 5–15.
25. Persson T., Tabellini G. Political Economics. MIT Press, Cambridge, MA, 2002.
26. Sanina A., Rubtcova M., Satinsky D. M. The Effectiveness of Communication Channels in Government and Business Communication // Information Polity. 2017. Vol. 22. N 4. P. 251–266.
27. Yu S., Jong-A-Pin R. Rich or alive? Political (in)stability, political leader selection and economic growth. Journal of Comparative Economics. 2020. Vol. 48. Is. 3. P. 561–577.

Об авторе:

Туманов Андрей Дмитриевич, коммерческий директор ООО «Межрегионтеплосетьэнерго-ремонт ЦТС» (Москва, Российская Федерация), аспирант кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); tumandr94@mail.ru

References

1. Afonasova A. V. Political functionality as an “idea” of the modern state // Governance issues [Voprosy upravleniya]. 2019. №3 (39). P. 6–15. (In rus).
2. Akhremenko A. S., Petrov A. P., Filippov I. B. Democratic survival and stability: from Lipset hypothesis to economic productivity // Politeia: Analysis. Chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics) [Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoi filosofii i sotsiologii politiki)]. 2018. N 3 (90). P. 87–112. (In rus).
3. Baranovsky V. G. New world order: overcoming the old or its transformation? // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. Vol. 63. N 5. P. 7–23. (In rus).
4. Belyaeva N. Y. Development of the concept of public policy: attention to the “driving forces” and governing entities // Political Research [Polis]. 2011. N 3. P. 72–87. (In rus).
5. Borzel T., Heard-Lauriot K. Networks in the system of multilevel management of the European Union: basic concepts and practical result // Democracy and management: Newsletter of the RAPN Research Committee on Comparative Political Science (SP-RAPN) [Demokratiya i upravlenie: Informatsionnyi byulleten' issledovatel'skogo komiteta RAPN po sravnitel'noi politologii (SP-RAPN)]. 2012. N 1 (13). P. 53–64. (In rus).
6. Global Governance in the 21st Century: Innovative Approaches / edited by Al. A. Gromyko. M.: Institute of Europe RAS: Nestor-history, 2013. (In rus).
7. Glukhova A. V. Civil dialogue as a mechanism for the formation of public policy: modern trends and problems of Russia // VSU Bulletin. Series: History. Political science. Sociology [Vestnik VGU. Ser.: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya]. 2015. N 3. P. 11–20. (In rus).
8. Gnedash A. A., Morozova E. V. Constructive potential of network interaction in the field of social

- policy. Democracy and Governance // Democracy and Governance: Newsletter of the RAPN Research Committee on Comparative Political Science (SP-RAPN) [Demokratiya i upravlenie: Informatsionnyi byulleten' issledovatel'skogo komiteta RAPN po sravnitel'noi politologii (SP-RAPN)]. 2012. N 1 (13). P. 30–32. (In rus).
9. Zhivitskaya E. N. System analysis and design. Minsk: BSUIR, 2005. (In rus).
 10. Makarychev A. S. Stability and instability in democracy: methodological approaches and assessments // Political Research [Polis]. 1998. N 1. P. 149–157. (In rus).
 11. Maksimova E. N. Stability of the political system in the context of political participation // Politologichny Visnik. 2008. Vol. 31. P. 156–166. (In rus).
 12. Rodionov I. B. System theory and system analysis. SPb.: SPbSTU, 2001. (In rus).
 13. Sedov E. A. Information and entropy properties of social systems // Social sciences and modernity [Obshchestvennye nauki i sovremennost']. 1993. N 5. P. 92–101. (In rus).
 14. Chemshit A. A. State power and political participation. Kiev: Ukraine center of spirit culture, 2004. (In rus).
 15. Shamakhov V. A. Resource saving strategy: development vs distribution (Russian agenda) // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2016. N 6 (90). P. 7–13. (In rus).
 16. Shakhrya S. M. Russian Constitution: Stability and Development // Topical Problems of Russian Law [Aktual'nye problemy Rossiiskogo prava]. 2018. N 10 (95) P. 44–54. (In rus).
 17. Acemoglu D., Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge University Press, 2006.
 18. Benhabib J., Rustichini A. Social conflict and growth. Journal of Economic Growth. 1996. N 1. P. 125–142.
 19. Hayward J. The Crisis of Representation in Europe, Routledge. Special Issue of West European Politics. 1995.
 20. Lagunoff R. Dynamic stability and reform of political institutions. Games and Economic Behavior. Vol. 67. Is. 2. 2009. P. 569–583.
 21. McLaverty P., Halpin D. Deliberative Drift: The Emergence of Deliberation in the Policy Process. International Political Science Review. 2008. N 2. P. 198.
 22. Mergel I., Souza K. Implementing Open Innovation in the Public Sector: The Case of Challenge.gov. Public Administration Review. Vol. 73. Is. 6. 2013. P. 882–890.
 23. Ostrom E. Governing the Commons: The Evolution of Institutions of Collective Action. Tucson : University of Arizona Press. 1990.
 24. Owen C., Bindman E. Civic Participation in a Hybrid Regime: Limited Pluralism in Policymaking and Delivery in Contemporary Russia // Government and Opposition. 2017. P. 5–15.
 25. Persson T., Tabellini G. Political Economics. MIT Press, Cambridge, MA, 2002.
 26. Sanina A., Rubtcova M., Satinsky D. M. The Effectiveness of Communication Channels in Government and Business Communication // Information Polity. 2017. Vol. 22. N 4. P. 251–266.
 27. Yu S., Jong-A-Pin R. Rich or alive? Political (in)stability, political leader selection and economic growth. Journal of Comparative Economics. 2020. Vol. 48. Is. 3. P. 561–577.

About the author:

Andrey D. Tumanov, Commercial Director of LLC MTER CTS (Moscow, Russian Federation), Graduate Student of the Chair of State and Municipal Administration of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); tumandr94@mail.ru